Наши письма / новелла

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 23 января, 2025
Наши письма / новелла НАШИ ПИСЬМА

Восемь часов езды по железной дороге вызывают у одних сон, у других бессонницу. Я лично после всякого путешествия не могу уснуть всю ночь.
Около пяти часов вечера я приехал к своим друзьям Мюре д’Артюс провести три недели в их поместье Абель. Красивый дом, построенный в конце прошлого века одним из их предков, все время находился во владении этой семьи. Поэтому он сохраняет уютный вид, свойственный тем жилищам, где постоянно живут одни и те же люди, поддерживая в них обстановку и порядок и оживляя их своим присутствием. Ничто здесь не меняется, и душа дома не отлетает из этих комнат, где никогда не чувствуется запустения, где ковры никогда не снимаются со стен и ветшают, бледнеют, линяют, вися все на тех же местах. Старую мебель не выносят и лишь передвигают время от времени, чтобы дать место какой-нибудь новой вещи, которая появляется здесь, как новорожденный среди братьев и сестер.
Дом стоит на холме посреди парка, отлого спускающегося к реке. Через реку переброшен горбатый каменный мост. За рекою тянутся луга, где медленно бродят тучные коровы, пощипывая мокрую траву. Глаза их кажутся влажными от росы, тумана и свежести пастбища.
Я люблю этот дом, как любят то, о чем страстно мечтают. Я приезжаю туда каждый год, осенью, с бесконечной радостью и уезжают оттуда с сожалением.
Пообедав в этой дружеской, спокойной семье, где меня принимали, как родного, я спросил Поля Мюре, моего товарища:
— Какую комнату ты предназначил мне в этом году?
— Комнату тети Розы.
Час спустя госпожа Мюре д’Артюс, в сопровождении своих трех детей, двух девочек-подростков и шалуна-мальчишки, привела меня в комнату тети Розы, где я еще никогда не ночевал.

Оставшись один, я осмотрел стены, мебель и все помещение, чтобы освоиться в нем. Я знал немного эту комнату, так как заходил сюда несколько раз и бросал безразличный взгляд на сделанный пастелью портрет тети Розы, чьим именем и называлась комната.
Она ничего мне не говорила, эта старая тетя Роза в папильотках, потускневшая под стеклом. У нее был вид почтенной женщины прежних времен, женщины с принципами и правилами, столь же твердой в прописной морали, как и в кухонных рецептах. Это была одна из старых теток, которые спугивают веселье и являются угрюмым и морщинистым ангелом провинциальных семейств.

Впрочем, я ничего не слыхал о ней. Не знал ни о ее жизни, ни о ее смерти. Жила ли она в нынешнем или в прошлом столетии? Покинула ли этот мир после скучной или беспокойной жизни? Отдала ли она небесам чистую душу старой девы, спокойную душу супруги, нежную душу матери или душу, взволнованную любовью? Что мне до того? Само имя «тетя Роза» казалось мне смешным, банальным и некрасивым.
Я взял свечу, чтобы взглянуть на строгое лицо портрета, повешенного высоко на стене в старинной золоченой раме. Лицо показалось мне незначительным, неприятным, даже антипатичным, и я стал разглядывать обстановку комнаты. Вся она была конца эпохи Людовика XVI, Революции и Директории.
Ни одного стула, ни занавеси не было внесено с тех пор в эту комнату, сохранившую запах воспоминаний, тонкий аромат, аромат дерева, тканей, кресел, обоев тех жилищ, где жили, любили и страдали.
Вскоре я лег, но мне не спалось. Промучившись час или два, я решил встать и заняться писанием писем.
Я открыл маленький секретер красного дерева с бронзовой отделкой, стоявший между двух окон, в надежде найти там чернила и бумагу. Но я не нашел ничего, кроме очень старой ручки из иглы дикобраза со слегка искусанным концом. Я хотел уже захлопнуть крышку, как вдруг взгляд мой привлекла какая-то блестящая точка, что-то вроде головки желтой кнопки, которая

торчала, образуя маленькую выпуклость в вырезе небольшой доски.
Тронув ее пальцем, я почувствовал, что она шатается. Я схватил ее двумя ногтями и потянул к себе. Она легко подалась. Это была длинная золотая булавка, всунутая и спрятанная в щель дерева.
К чему бы она? Я тотчас же подумал, что она употреблялась для нажимания пружины, скрывавшей секретный замок, и начал доискиваться. Это продолжалось долго. После, по крайней мере, двухчасовых стараний я открыл другое отверстие, почти напротив первого, в глубине желобка. Я всунул туда мою булавку — маленькая дощечка отскочила мне прямо в лицо, и я увидал дне пачки писем, пожелтевших и перевязанных голубой лентой.
Я их прочел и перепишу здесь два из них.

«Вы хотите, чтобы я вернул Ваша письма, моя дорогая. Вот они, но для меня это большое горе. Чего Вы боитесь? Что я их потеряю? Но ведь они заперты. Что их у меня украдут? Но я берегу их, так как это мое самое бесценное сокровище.
Да, Вы причинили мне безграничное горе. Я спрашивал себя, не раскаиваетесь ли Вы в глубине своего сердца? Не в том, что полюбили меня, — я знаю. Вы меня любите, — но, быть может, в том, что выразили эту живую любовь на бумаге, в часы, когда сердце Ваше доверилось не мне, а перу в Вашей руке. Когда мы любим, у нас является потребность в признании, нежная потребность говорить или писать, и мы говорим, мы пишем. Слова улетают, нежные слова, сотканные из музыки, воздуха и любви, горячие, легкие, исчезающие, как только отзвучат, и остающиеся лишь в памяти, но мы не можем ни видеть их, не осязать, ни целовать, как слова, написанные рукой. Ваши письма? Извольте, я возвращаю их. Но какое это горе для меня!
Вы, должны быть, почувствовали стыд за эти закрепленные на бумаге признания. Своей робкой и стыдливой душой, болезненно ощущающей еле уловимые оттенки, Вы пожалели о том, что писали любимому человеку. Вы вспомнили фразы, смутившие вас, и сказали себе: «Я превращу в пепел эти слова».
Будьте довольны, будьте спокойны. Вот Ваши письма. Я люблю

Вас».

«Мой друг!
Нет, Вы не поняли, не угадали. Я нисколько не жалею и не пожалею никогда, что призналась Вам в моей нежной любви. Я буду вам писать всегда, но Вы тотчас же возвращайте мне мои письма, как только прочтете.
Я Вас оскорблю, мой друг, если объясню причину этого требования. Она не поэтична, как Вы думаете, но практична, я боюсь, — но не Вас, конечно, а случая. Я виновата. Я не хочу, чтобы моя вина обрушилась на кого-нибудь другого, кроме меня.
Поймите меня хорошенько. Мы можем, умереть. Вы или я. Вы можете умереть, упав с лошади, — ведь Вы каждый день ездите верхом; на Вас могут напасть, убить на дуэли. Вы можете умереть от болезни сердца, при поломке экипажа, от тысячи случайностей: умереть можно только один раз, но причин для смерти больше, чем отпущенных нам судьбою дней.
И вот Ваша сестра, Ваш брат или Ваша невестка найдут мои письма.
Вы думаете, они меня любят? Не думаю. Но даже если бы они меня обожали, возможно ли, чтобы две женщины и мужчина, зная тайну, и такую тайну, не рассказали бы о ней?
Конечно, Вам может показаться нелепым, что я говорю о Вашей смерти и высказываю подозрение относительно скромности Ваших родных.
Но рано или поздно мы все умрем, не правда ли? И почти наверно один из нас переживет другого. Итак, надо предвидеть все опасности, даже эту.
Я же буду хранить Ваши письма рядом со своими, в потайном ящике моего секретера. Я покажу Вам, как они лежат рядом в шелковом футляре, полные нашей любви, словно два возлюбленных в одной могиле.
Вы мне скажете: «Но, если Вы умрете первая, моя дорогая, Ваш муж найдет эти письма».
О, я ничего не боюсь. Прежде всего, он не знает тайны моего стола, а затем он не станет их искать. И даже, если он найдет их после моей смерти, я ничего не опасаюсь.

Думали ли Вы когда-нибудь обо всех любовных письмах, найденных в ящиках умерших? Я уже давно размышляю об этом, и эти-то долгие размышления и заставили меня просить у Вас мои письма.
Знайте же, что никогда, слышите ли, никогда женщина не сжигает, не рвет и не уничтожает писем, где говорится о любви к ней. В них заключена вся наша жизнь, вся надежда, все ожидания, вся мечта. Записочки, заключающие в себе наше имя и ласкающие нас словами любви, — это наши священные реликвии; а мы все почитаем молельни, особенно же те, где сами занимаем место святых. Наши любовные письма — это наше право на красоту, грацию, обаяние, это наша интимная женская гордость, сокровище нашего сердца. Нет, нет, никогда женщина не уничтожает, этих тайных и очаровательных архивов своей жизни.
Но мы умираем, как все, и тогда… тогда эти письма кто-нибудь находит. Кто? Супруг? Что он с ними делает? Ничего. Он их сжигает.
О, я много думала об этом, очень много. Поймите, что каждый день умирают женщины, любимые кем-нибудь, что каждый день следы или доказательства их виновности попадают в руки мужей, и никогда не бывает никакого скандала, никогда не происходит никакой дуэли.
Подумайте, мой друг, о том, кто такой мужчина, что такое сердце мужчины. Он мстит за живую, дерется на дуэли с обесчестившим его человеком, убивает его, если она жива, потому что… да, почему? Я этого не знаю. Но когда подобные улики находят после ее смерти, их сжигают, делая вид, что ничего не знают, продолжают подавать руку любовнику умершей и только радуются, что письма не попали в посторонние руки, что они уничтожены.
О, сколько среди моих знакомых найдется мужей, которые несомненно сожгли такие письма и потом делали вид, что ничего не знают! А с какой яростью они дрались бы на дуэли, если бы нашли их при жизни жены! Но она умерла. Понятие о чести изменилось. Могила — это забвение супружеской вины.
Итак, мне можно хранить наши письма, в Ваших же руках они угроза для нас обоих.
Попробуйте сказать, что я не права.

Я Вас люблю и целую Ваши волосы.
Роза».

Я поднял взор на портрет тети Розы и, взглянув на ее строгое, морщинистое, немного злое лицо, подумал о всех этих женских душах, которые мы совсем не знаем, которые считаем совсем иными, чем они на самом деле, о их простой, врожденной хитрости и не постижимом для нас спокойном лукавстве, — и мне пришел на память стих де Виньи:
О вечный спутник мой с душою ненадежной!

* * *

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994
Перевод С. Иванчиной-Писаревой. Hekaýalar